

Правила поведения революционных социал-демократов, имевшие хождение накануне I съезда РСДРП

Источник:
Юрий Степанович Уральский
Пароль: "от Петрова"
: Из истории постановки конспирации в деятельности "Искры"
М. Мысль 1988

Ни в одной из европейских стран политические партии не поставлены в такие тяжелые обстоятельства, как в России: всякий проблеск свободной мысли преследуется здесь с ожесточением, поступки — совершенно легальные в других странах — считаются у нас величайшим преступлением; запрещены всякие сходки и собрания, где бы люди могли сообща обсуждать свои дела; печать и литература — в руках варварской цензуры, а зоркий глаз жандарма следует за всякой агитацией. Самодержавное правительство с полным сознанием своей выгоды поддерживает мрак и нравственную испорченность среди масс, покровительствует фабрикантам и капиталистам — эксплуататорам рабочего класса. Однако нет силы, способной подавить раз пробудившееся сознание, равно как и всевозрастающее возмущение против общественного строя. Угнетение всегда вызывает противодействие, и ожесточенная борьба за экономические и политические права народа тянется у нас уже с давних лет (много лет).

Самоотверженные, благородные люди обратились к народной массе, неся ей классовое сознание. Они ясно видят всю трудность и опасность предпринятого дела, но идут смело вперед, веря в его правоту. То и дело падала по неосторожности или вследствие изменения вновь основанная тайная организация, члены ее наполняли тюрьмы, заселяли снежные равнины Сибири, но на смену вставали все новые и новые борцы. Бессмертная идея, преследуемая, терзаемая в лице своих апостолов и приверженцев, хранимая, как искра в пепелище, в умах избранныков, в мертвых страницах книги, при первом удобном случае вспыхивает животворящим, всеобъемлющим пламенем. Царская власть напрягает все усилия, чтобы задержать распространение новых идей, она варварски разбивает с трудом начатую работу, но вопреки всем препятствиям можно спокойно продолжать свой тернистый путь, обагренный кровью предшественников, ибо наши труды не будут бесплодными; история показывает, что революционное движение возрастает с каждым годом, наши идеи охватывают все большие массы, и день окончательной победы близится.

Условия борьбы у нас и за границей совершенно различны. Там борьба ведется на легальной почве, с помощью периодической печати, книг и брошюр — у нас цензура не допускает такого рода деятельность. Там борьба кипит в парламентах, о которых мы понятия не имеем. Там свободно раздается живое слово перед лицом собравшегося народа — мы можем говорить в самом тесном кружке слушателей, да и здесь должны укрываться от бдительного ока жандармерии и полиции. Там известность, имя человека способствует популяризации идей — у нас она ведет в тюрьму. Там, наконец, революционные партии развиваются и существуют беспрепятственно и благодаря этому имеют людей вполне выработанных, богатых опытом, добытым в долгой борьбе, — у нас же постоянно чувствуется огромный недостаток таких испытанных борцов, состав организаций, постепенно разбиваемых и вновь нарождающихся, пополняется молодыми силами, которые нередко повторяют ошибки своих предшественников.

А между прочим, в нашем положении необходимы опыт, исключительная осторожность и предусмотрительность. Нередко деятель, весьма известный за границей, у нас может быть даже опасным, и не раз приходилось избегать людей безукоризненно нравственных, преданных делу, которые, однако, своей бес tactностью и многоречивостью могли бы подвергнуть опасности целую группу. Люди, приступающие к делу, ознакомлены обыкновенно лишь с одной теоретической стороной задачи; о конспирации, о формальных правилах, партийной тактике понятия не имеют; хотя в теории каждый признает необходимость применения некоторых общих норм осторожности, на практике они совершенно игнорируются. Между тем это вопрос первостепенной важности, ибо от него зависит существование и сила партии и будущность дела; поэтому необходимы некоторые общие указания и правила конспиративного поведения, с которыми должен ознакомиться каждый принимающий какое бы то ни было участие в революционной деятельности и каждый новый товарищ, прежде чем приступит к работе. В сознании этой необходимости предлагаем товарищам те общие указания, которых следует, по нашему мнению, точно придерживаться для блага нашего великого дела.

Поведение на свободе. Сила партии зависит от числа лиц, входящих в состав организации, и от степени распространения исповедуемых ею идей. Организация представляет как бы действующую армию, цель которой и есть проповедование идей и борьба с существующим общественным строем; стоящие вне организации сознательные массы — это резервы, из которых набираются в организацию новые силы.

Из вышеизложенного следует, что каждый деятель обязан заботиться о расширении организации и возможно более широком распространении ее идей. В наших условиях — при необходимости тщательно подбирать подходящие характеры — организации не могут быть очень многочисленны, но деятельность своей должны обнимать широкие массы, руководить ими и сознательно направлять их действия. Было бы очень желательным применение внутри организации принципа разделения труда, т. е. чтобы каждый член выполнял только какую-нибудь одну определенную функцию, наиболее соответствующую его способностям и силам; при соблюдении этого условия работа шла бы несравненно успешнее и люди, а тем самым и целостность организации меньше бы подвергались опасности. К несчастью, при ограниченных размерах наших организаций такое разделение труда по большей части невозможно.

Каждый деятель обязан постоянно иметь в виду и предусматривать все даже самые мелкие обстоятельства и случайности и всеми силами избегать «скомпрометироваться». Несомненно неудобно и тяжело быть постоянно на страже, но всякое упущение здесь непростительно, так как зачастую неосторожность одного лица ведет за собой гибель целой группы. Никогда почти скомпрометирование одного лица не остается совершенно обособленным; обыкновенно оно бросает некоторую тень подозрения и нередко наводит шпионов на след знакомых и близких скомпрометированного. Поэтому организация вправе требовать от каждого из своих членов соблюдения общих правил конспиративного поведения, так как оно может отразиться на судьбе остальных товарищев и преуспеянии дела. Среди нас чрезвычайно развиты легкомысленное пагубное бесстрашие и достойное порицания пренебрежение опасностью. Люди подвергаются ей по неосторожности или лени, не желая обременять себя соблюдением необходимых норм. Такое безрассудное легкомысление является причиной невосполнимых потерь и поэтому не может быть терпимо. Мы, конечно, не в силах дать предписание поведению во всевозможных обстоятельствах, в которые жизнь может поставить деятеля; во многих случаях

все будет зависеть от его сообразительности, ловкости и присутствия духа; предлагаем только самые общие указания:

1. Необходимо хранить в тайне всю внутреннюю жизнь организации Адреса, фамилии, места хранения нелегальных книг, места и время собраний, сведения о том, кто и чем занимается или думает заняться, и вообще все, что может скомпрометировать отдельную личность или группу, не следует сообщать не только своим близким, как-то: матери, жене, сестре или другу, но даже самым надежным членам партии, которые, однако, не принимают в данной работе непосредственного участия. Вообще нужно, чтобы каждый знал только то, в чем он лично непосредственно участвует, и вот по каким причинам. Нет организации, в которую с большим или меньшим усилием не мог бы вкрасться шпион; бывали примеры, что аресты происходили из-за того, что шпион, принятый в товарищи, знал слишком много. Или, например, может случиться, что арестованный товарищ запутается при дознании и проговорится; ясно, что он может рассказать только то, о чем знает. Или, наконец, может произойти разгром организации только вследствие того, что кто-нибудь — малошепетильный в этом отношении — доверится (конечно, по секрету) постороннему лицу или напишет неосторожно письмо. Одним словом, общая безопасность требует, чтобы о важнейших делах организации знало как можно меньшее число лиц.

2. Главными качествами деятеля должны быть *исправность и точность*. Несоблюдение этих условий нередко бывает причиной больших бед. Если, например, член организации обещал явиться для выполнения порученного дела в такое-то время в известное место, то он обязан выполнить обещание с возможно большей точностью, несмотря на всякого рода препятствия семейного или служебного характера. Только болезнь или опасение навести на след шпиона и выдать своим присутствием важное тайное место могут служить оправданием неявки; всякие другие обстоятельства не могут быть приняты во внимание там, где от сдерживания слова зависит, быть может, целость организации.

3. В сношениях с менее известными людьми деятель должен выступать под псевдонимом, т. е. под вымышленными именем и фамилией; это затрудняет до некоторой степени деятельность жандармов даже в случае, если им удалось что-либо разузнать. При многочисленных собраниях надо даже избегать и псевдонимов. Непосвященным лицам не следует ни в каком случае сообщать свою настоящую фамилию и адрес, равно как не надо других об этом расспрашивать без основательной причины.

4. Необходимо избегать излишней корреспонденции, не нужно также составлять и сохранять заметки, касающиеся вопросов нелегальных. В случае надобности написать письмо лучше всего пользоваться заранее условленным ключом или писать иносказательно, т. е. так, чтобы только заинтересованное лицо могло понять истинный смысл письма. Однако не надо употреблять такие выражения, которые нельзя объяснить самым легальным образом, так как случалось, что жандармы в темных, двусмысленных фразах доискивались до того, чего даже не было в действительности. При употреблении химических чернил не мешает шифровать некоторые слова, но нельзя их ставить вперемежку с обычными, ибо тогда их нетрудно прочесть; поэтому необходимо шифровать целые предложения. Все шифрованные фразы надо заранее списать и проверить, нет ли ошибок. В письмах следует, безусловно, избегать фамилий, адресов, чисел. Надо твердо помнить пословицу: «Что написано пером, того не вырубишь топором».

Письменные документы составляют самые важные доказательства виновности, весьма желательные для жандармов. Прочитав, следует

немедленно сжечь письма деятелей, хотя бы даже они были самого невинного содержания,— все-таки служат неопровергимым доказательством сношений. Наоборот, полезно сохранять письма лиц благонадежных: разных школьных товарищей и начальства, знакомства с которыми легко объяснить. Пусть жандармы в случае обыска потрудятся прочесть все эти документы и убедятся, что арестованный поддерживал связи и знакомства исключительно легального характера. Если необходимо дома записать какую-нибудь фамилию или адрес, то в этом случае лучше всего пользоваться ключом, известным только пишущему, или же писать, не оканчивая слов и обозначая некоторые из них начальными буквами; удобно также пользоваться аспидной доской, с которой в минуту опасности нетрудно стереть заметки, или, наконец, писать их на клочке промокательной бумаги и иметь ее всегда при себе, чтобы в случае надобности проглотить или сжечь. Надо, кроме того, заметить, что нельзя разбрасывать книги и брошюры по квартире, следует их держать в одном месте, чтобы легче было устраниТЬ в минуту необходимости и быть уверенными, что в квартире не осталось ничего нелегального.

5. Хранение нелегальных предметов не допускается в квартирах лиц, замеченных полицией, часто посещаемых, или где живут квартиранты, не совсем известные хозяину квартиры. О хранимых вещах могут знать только лица вполне надежные, на которых можно смело положиться. Оговорка о чем-либо подобном со стороны ребенка или прислуги может вызвать обыск. Для хранения нелегальщины надо выбирать места, представляющиеся наиболее безопасными; таковыми нельзя считать всякие кладовки, чердаки, погреба: они могут легко привлечь внимание посторонних лиц и в случае обыска легко открываются. Не надо обманывать себя надеждой, что вам удастся скрыть от жандармов вещь больших размеров; конечно, иногда это удается, если обыск поверхностный, однако рассчитывать на это не следует, а лучше предполагать, что жандармы найдут даже и хорошо припрятанные вещи.

6. Деятелям, занятым внешней работой, особенно тем, за которыми начали следить, категорически запрещается держать у себя на дому нелегальные вещи; это безусловно должно исполняться, ибо несоблюденie влечет за собой самые роковые последствия.

7 Переносить нелегальные вещи вообще, и в особенности от лиц, ожидающих обыска, должны трети лица (сестра, жена, дочь), причем не прямо на место назначения, а в какой-нибудь нейтральный пункт. Хорошо в этом случае следовать за несущим пакет на расстоянии 30—50 шагов, наблюдать, нет ли вблизи шпиона, и в случае необходимости предостеречь несущего заранее условленным знаком. Несущие пакеты лица не должны обращать на себя внимание внешностью и костюмом. Перевозка нелегальных предметов по железной дороге и лошадьми должна совершаться в соответствующей упаковке и людьми соответственно одетыми.

8. Если вы подозреваете, что за вами следят, то должны это проверить. Для этого лучше всего, если за вами будет идти издалека знакомый, внимательно наблюдая, не следят ли за вами подозрительные личности. Знакомый этот должен быть не скомпрометированным в глазах полиции и не обнаруживать своего знакомства с выслеживаемым. Лица, находящиеся под надзором полиции или шпиона, обязаны особенно заботиться о том, чтобы не скомпрометировать других; они должны оставить на некоторое время работу и не видеться с товарищами, разве в случае необходимости, и то в квартире третьего лица, причем они должны прийти позже и уйти раньше других; отправляясь же на свидание, необходимо следить, нет ли позади шпиона; в последнем случае необходимо от него отделаться.

Понятно, что все эти правила предосторожности весьма неприятны и тягостны, но они необходимы для общего блага. Если за вами следует шпион и вы желаете от него уйти, берите извозчика, если стоит только один, и отправляйтесь к дому сквозным двором; убедившись, что шпиона нет, можете смело окольными путями возвращаться домой или идти куда вам надо. Недурно вывести шпиона на пустынное место и хорошенко отколотить — жаловаться не будет, ибо ему запрещено быть уличенным. Если вам необходимо немедленно увидеть знакомого и некогда возиться со шпионом, то его можно провести следующим образом. По дороге вы заходите в несколько домов на той же улице и ждете на лестнице несколько минут, между прочим заходит и к своему знакомому тоже на самое короткое время — шпион и знать не будет, в каком именно доме вы были по делу (конечно, если квартира вашего знакомого не была ему заранее известна).

9. Из только что сказанного ясно, что для конспиратора важно хорошо ознакомиться с городом, где он намеревается работать; ему должны быть известны участки, улицы, проулки, площади, в особенности же проходные дома, где легче всего улизнуть от преследования шпионов. Время, потраченное на это, не будет потеряно бесполезно.

10. Если вам нужно зайти в квартиру, где предполагается обыск, нужно заранее придумать легальное объяснение своего посещения. Идя на такую квартиру, можно заранее предвидеть арест, обыск, хождение по участкам с жандармским офицером, очные ставки со шпионами, поэтому скомпрометированное лицо ни в каком случае не должно отправляться на такое рискованное предприятие. Зайти в подобную квартиру может лишь лицо совершенно благонадежное, редко или никогда не посещавшее данного дома. Оно не может иметь ни при себе, ни на дому ничего запрещенного. Входя в квартиру, не следует употреблять никаких условных знаков, надо звонить и спокойно спросить открывающего двери, живет ли здесь такой-то (сказать вымышленную фамилию). Если шпионы схватят вас за руки, следует протестовать с негодованием. Перед лицом жандармского офицера спокойно отвечать на его вопросы, точно придерживаясь со всеми подробностями заранее обдуманного плана.

11. Всякие собрания следует устраивать на улицах многолюдных, в больших домах, в квартирах лиц, не замеченных полицией. Желательно, чтобы квартира была совершенно обособлена, имела толстые стены; окна должны быть заперты и завешены. Приглашенные должны знать подробный адрес квартиры, дабы не расспрашивать дворника. Надо тоже заранее условиться насчет стучания, так как звонить неудобно. Если собрание многочисленное и в нем участвуют скомпрометированные лица, нужно условиться, как предупреждать запоздавших в случае появления полиции. Лучше, чтобы люди сомнительной безопасности или вовсе не являлись на собрания, или же приходили позже и уходили раньше других. Если за идущим на собрание следует дворник или шпион, нужно придумать какое-нибудь дело и зайти на несколько минут в квартиру этажом ниже или выше. Надо входить и уходить не более чем по двое-трое; внимательно осматривать двор и улицу; дворнику, отпирающему ворота, давать на чай; притворяясь выпившим, разговаривать о картах, водке и женщинах. Хорошо, если во время собрания кто-нибудь кружит около дома, чтобы предупредить собравшихся в случае опасности.

Безусловно запрещено устраивать сходки и свидания в ресторанах, молочных и кондитерских, где первый встречный посетитель или лакей может сделать донос; в таких общественных местах нельзя разговаривать шепотом, можно только говорить громко и о вещах безразличных. Вечера (собрания) даже самого серьезного характера, устраиваемые рабочими и на квартире рабочего, должны разнообразиться танцами, пени-

ем по той причине, что многолюдное тихое собрание может привлечь внимание полиции. Если на собрании присутствуют личности не вполне известные, надо избегать запрещенных песен и речей революционного содержания.

12. Отправляясь на какое-либо опасное предприятие, например разбрасывать прокламации, участвовать в манифестациях и т. п., необходимо привести в порядок свою квартиру, т. е. устраниТЬ все нелегальные предметы; вообще это следует повторять каждый раз при возрастающей опасности, предвидя возможность обыска, причем нельзя забывать ни на минуту, что с нашей личной безопасностью сопряжена безопасность других.

13. На улице деятель не должен обращать на себя внимание странной внешностью и небрежностью костюма; старательный, даже несколько щеголеватый костюм служит как бы внешним проявлением благонадежности и может ввести полицию в заблуждение.

На многолюдных улицах, в общественных местах, в воротах, в темных аллеях сада нельзя касаться в громких разговорах вопросов нелегальных, ибо жандармы, полицейские, а главным образом шпионы вертятся повсюду, и одно неосторожное подслушанное ими слово может стать причиной большого несчастья. В разговорах о деятельности надо заменять компрометирующие слова условными терминами. Важно также, чтобы деятель мог узнавать людей с далекого расстояния, чтобы запомнить лицо и поведение шпионов, и поэтому близорукие (а это почти поголовный недостаток интеллигентов) должны непременно носить очки. Дальнозоркому легче избежать ареста и улизнуть от шпиона, между тем как близорукий нередко сам лезет в руки полиции.

14. Деятель со слабой головой не должен вовсе употреблять спиртных напитков, могущий же пить не должен этим злоупотреблять. Известно, что человек выпивший делается слишком откровенным и доверчивым, и неоднократно аресты являлись следствием болтовни пьяного; поэтому человеку прекраснейшего характера, но склонному к злоупотреблению спиртными напитками нельзя доверять организационных тайн. Ни под каким видом не следует допускать к работе людей бесчестных в домашней жизни, ворующих или эксплуатирующих других; подобные люди, руководствуясь в жизни исключительно личным интересом, не могут быть преданы делу. Болезненных, нервных товарищей нужно оберегать, охранять от слишком большой опасности; человеку больному, расстроенному трудно переносить всякие допросы, а пребывание в тюрьме может для него равняться приговору к смерти или помешательству.

15. В случае ареста знакомые арестованного, особенно самые близкие, обязаны удвоить осторожность: первым делом нужно устраниТЬ (конечно, без суетливости) из квартиры все нелегальные предметы; во вторых, надо прекратить свидания с товарищами. Нельзя, конечно, предвидеть, какие последствия может вызвать арест одного или нескольких товарищей, но во всяком случае остальным всегда грозит некоторая опасность. Характер человека проявляется во всей полноте только в минуту опасности; бывали случаи, что тот, кто на свободе горячо принимался за работу, на следствии вел себя постыдным образом и губил товарищей; кроме того, жандармы могут многое разузнать помимо воли арестованного, наводя справки насчет его знакомых, делая догадки часто на основании одного необдуманного слова допрашиваемого; ввиду этого знакомые арестованного должны вести себя некоторое время самым спокойным, осторожным образом. Предвидя обыск, полезно условиться со знакомыми насчет знака предосторожности, видного со двора или улицы; таким сигналом может служить принятие горшка с цветами, поднятие занавески и т. п. Хорошо также, если лицо, ожидающее обыска, уедет на некоторое

время в деревню, чтобы не быть на глазах у жандармов и шпионов.

16. Не мешает заранее условиться с семьей или окружающими, кого и каким образом надо предупредить в случае ареста, как передавать известия во время заключения (например, пересыпать и отсыпать обратно известные предметы); надо точно указать своим домашним общие правила показаний (например, в таком роде: никто не бывал, вечера проводил дома и т. д.) и предупредить их, чтобы не доверяли жандармам, так как бывали случаи, что под влиянием их увещеваний женщины своими показаниями, желая спасти, губили арестованных. Известие об аресте нужно быстро распространить, что может служить предостережением для других; однако следует избегать ложных тревог, которые могут только обнаружить, что данные лица боятся, а следовательно, и заслуживают ареста.

17. Если у кого-либо на квартире ведется или хранится что-нибудь запрещенное, то необходимо избегать всяких историй, могущих вызвать вмешательство полиции. Если кто содержит прислугу, она должна быть надежной и жить в ладу с хозяином; плохие отношения могут вызвать донос. Вообще заметим, что, чем важнее деятельность агитатора, тем большая лежит на нем ответственность, тем осторожнее он должен вести себя.

18. Каждый деятель обязан выполнять все требования организационного правления, имеющие целью благо всей партии; так, например, он повинуется, если ему предложат оставить на некоторое время работу или порвать сношения с такой-то личностью. Положительно запрещено поддерживать знакомство с людьми, подозреваемыми в сношениях с жандармерией; разве только это происходит с согласия организационной власти и товарищей и имеет целью расследование этого вопроса; в противном случае это можно считать преступным легкомыслием, равным измене, так как подозреваемое лицо может, во-первых, злоупотреблять доверием легкомысленного товарища, а во-вторых, пользоваться его симпатиями как доказательством своей невиновности.

19. Сношения с товарищами не должны бросаться в глаза и обращать на себя излишнее внимание. Нет надобности скрывать знакомства, имеющие легальный характер; когда кроме партийных дел людей связывают близкие личные отношения, если даже за одной из сторон и следят, нет надобности избегать встреч; наоборот, нужно вести себя обычным образом, так как перемена поведения может вызвать подозрение. Другое дело в сношениях исключительно конспиративных, нелегальных; в этом случае не следует при встрече обнаруживать своего знакомства, а устраивать свидания надо со всеми предосторожностями; это весьма важное правило, так как случалось, что люди избегали ареста только благодаря тому, что не здоровались при встрече.

20. Во время обыска деятель должен вести себя с достоинством, не обнаруживать волнения, протестовать против всяких оскорблений, обдуманно отвечать на вопросы, наблюдать, чтобы ему чего-либо не подбросили, и не признаваться в случае, если нелегальные вещи хорошо припрятаны, если даже их и нашли; ложь не ухудшит положения. Так как обычно за обыском следует арест, то не мешает, покидая квартиру, захватить с собой карандаш, булавку и другие подобные мелочи, которые в первое время заключения помогут заполнить время и рассеять тоску одиночества. Вот все те правила конспиративного поведения, которые обязан помнить и соблюдать всякий деятель. Раз он посвятил себя деятельности и состоит членом организации, он перестает быть полновластным господином своих поступков, он обязан подчинять их требованиям общего блага, так как с личностью связаны до некоторой степени успех и судьба товарищей.

Очень часто люди, вначале чрезвычайно осторожные, со временем делаются слишком самоуверенными и пренебрегают правилами конспирации; этого не должно быть: деятель и так рискует каждую минуту очутиться в тюрьме, многим этого не избежать, зачем же своевольно ускорять эту неизбежность. Погрешивший против основных правил конспирации подвергается суду наиболее опытных товарищей, избранных организационным правлением. Наказания соответствуют степени виновности, начиная с выговора и устранения на это время от работы и кончая совершенным запрещением заниматься организационными делами.

Поведение во время следствия. Деятель на свободе стремится к тому, чтобы не быть замеченным жандармерией. Раз это случилось, он начинает заботиться о том, чтобы не дать в руки врага доказательств виновности и не скомпрометировать товарищей. Если эти два условия соблюдены, мы до некоторой степени победили, но ликовать еще не следует; в лучшем случае мы гарантированы от массовых арестов и общего разгрома; единичные аресты будут все-таки повторяться время от времени, и всякий деятель должен знать, что он, по всей вероятности, рано или поздно побывает в тюрьме. Ввиду этого постараемся теперь ознакомить читателя с общим ходом следствия и жизнью в цитадели. Борьба с врагом не прекращается в минуты заключения; за стеной и железной решеткой она кипит с ожесточением. Здесь в борьбе за личную свободу и свободу своих товарищей деятель имеет полную возможность обнаружить все качества своего характера; если он сумеет выпутаться и жандармы не докажут его виновность, если не скомпрометирует товарищей — это будет великой заслугой.

Заключенного занимает главным образом мысль о том, как вести себя на допросах, какие знакомства отрицать, какие признать и что говорить о найденных вещественных доказательствах. Если арестовано одно лицо, ему еще легче оправдываться, но если сидит несколько товарищей, в таком случае могут иметь место противоречивые показания, путающие и осложняющие дело. Ввиду этого нужно при допросах придерживаться одних и тех же общих правил:

1. Безусловно запрещено называть на следствии фамилии деятелей, остающихся на свободе или арестованных, и вообще какие бы то ни было фамилии без важной на то причины.

2. Можно называть только тех знакомых, с которыми вы были в исключительно легальных сношениях; знакомства нелегальные и не особенно часто поддерживаемые надо безусловно отрицать. Если впоследствии и будет обнаружена ложность показаний — это не повлияет на ход дела, между тем как от умелого скрывания знакомств может зависеть свобода ваша и ваших товарищей.

3. Следует заботиться о том, чтобы в качестве свидетелей привлекалось как можно меньшее число лиц, даже стоящих совершенно в стороне от дела, по той причине, что такие малоопытные в конспиративных делах люди, зная кое-что, легче всего могут сказать лишнее. Вообще, чем большее число лиц впутано в данное дело, тем скорее найдется человек, который чистосердечно расскажет все, что только ему известно.

4. Если при обыске у вас найдены нелегальные книги, брошюры или прокламации, оправдывайтесь всегда незнанием; говорите, например, что вам было неизвестно содержание пакета, что вы его только что развернули и не знали, как поступить. Если книга или брошюра в одном экземпляре, скажите, что она прислана по почте неизвестным лицом или что вы ее нашли на улице; если книг много, можно сказать, что они принесены лицом неизвестной фамилии, с которым вы познакомились на вечере в клубе, в ресторане или в другом общественном месте. Лицо это, оставив пакет, обещало взять его через несколько дней. Подсудимый должен

всеми силами стремиться к тому, чтобы скрыть свое участие в данном деле, самым легальным образом объяснить свои и чужие поступки и свалить всю ответственность на какие-то третьи личности. Очень может быть, что жандармы вам не поверят и будут домогаться показаний (как это уже не раз случалось) на основании личного убеждения, но им все-таки не будет доставать главного доказательства, а именно признания виновности подсудимого и подтверждения ее насчет других.

5. Ни в коем случае нельзя признавать свою виновность, даже уличенный на месте действия должен оправдываться недоразумением и незнанием, конечно не компрометируя при этом других. Заметим также, что излишняя смелость влечет за собой самые печальные последствия, известны случаи, подтверждающие данное положение; так, например, подсудимый не только признавал свою виновность, но на вопрос жандарма, каким образом думает подследственный проводить свои идеи, он отвечал: «С помощью динамита», это, конечно, повергло жандармов в ужас, но за минутное удовольствие смельчаку пришлось дорого поплатиться, поэтому никогда не следует увлекаться излишним пренебрежением опасности, а хладнокровно обдумывать свой шаг и взвешивать каждое слово.

6. В ожидании дознания нужно предвидеть все возможные вопросы и комбинации и заранее обдумывать ответы, а также сообразить, какие показания могут давать другие заключенные сообразно их положению и характеру

7. Не доверяйте жандармам, если они говорят, что тот или другой товарищ подтвердил свою виновность и указал на вас как на знакомого, не верьте, если вам даже покажут их собственноручное показание; они нередко бывают поддельные, ибо ложь и подлость — основные принципы жандармской политики. В борьбе с жандармами мы принуждены пользоваться их собственным оружием и должны лгать без зазрения совести

8. Если в словах жандармов окажется доля правды, если обнаружится, что действительно кто-нибудь из заключенных выдает других, то следует только найти в его показаниях самую незначительную ложь и все показания теряют свою силу

9. При допросах надо по мере возможности выражаться сдержанно и всегда, где только можно, отвечать кратко, двумя словами: «не знаю» или «не помню». Если во время следствия в вашу камеру поместят незнакомого товарища, будьте с ним осторожны; это может быть шпион или переодетый жандарм; хорошо, если вы обладаете способностью легко узнавать людей, но это редкий дар, и не следует слишком доверять своему инстинкту

В других странах следствие по делам политическим поручено судебным следователям (инквириентам). У нас же оно ведется людьми, которые выследили и арестовали подсудимого, следовательно, лично заинтересованными в том, чтобы придать поступкам своим как можно большее значение, и поэтому умышленно из муhi делающими слона. По закону, исследование политических дел лежит на обязанности прокуроров судебных палат (§ 1034 Уложения о наказаниях), полиция обязана извещать их и жандармских начальников о всяком случае, носящем характер политического проступка (§ 1035¹). Допросы ведутся жандармскими офицерами (§ 1035²) по указаниям прокурора (§ 1036), по его поручению или по личной инициативе жандармерии (§ 1035⁶)

Лицо, ведущее следствие, обязано немедленно записать показания и составить протокол за собственноручной подписью подсудимого. Следствие, на котором присутствует иногда прокурор, производится следующим образом: арестованного приводят в канцелярию, записывают его фамилию, сословие, народность и религию, после чего ему сообщают,

в чем он обвиняется, и требуют выяснения его участия и участия других в данном деле. Обвинения часто бывают бессмысленны, но иногда они составлены довольно метко; это, однако, не доказывает, что жандармам действительно известно то, в чем вас обвиняют; по большей части это лишь догадки и подозрения, основанные на единичных мелких наблюдениях.

После допроса вам диктуют содержание протокола; форма его обыкновенно следующая: такого-то я не делал, об этом ничего не знаю, с такими-то не знаком, с другими знаком по таким-то причинам. Подписанный протокол — важный документ, которым могут злонамеренно пользоваться жандармы, и потому следует к нему относиться в высшей степени осторожно; надо остерегаться в протоколе всяких двусмысленных слов и выражений и записывать только то, что в действительности говорили, надо отказывать в своей подписи, если протокол содержит что-либо противоречащее вашим показаниям; кроме того, подпись свою надо ставить рядом с последними словами протокола; в противном случае жандармы могут воспользоваться незаписанным местом и внести в протокол то, чего вы и не думали говорить.

Сообразно обстоятельствам допросы повторяются чаще или реже, иногда каждую неделю, иногда через несколько месяцев. После первого допроса жандармы собирают новый материал для обвинения, после чего вновь призывают подсудимого, стараются смутить его хитроумными вопросами, уличить во лжи, устраивают очные ставки и показывают карточки разных лиц, предлагая назвать знакомых. Во время допроса необходимо сохранять хладнокровие, не выдавать себя выражением лица, а рассматривая карточки, одинаково долго останавливать внимание на незнакомых и знакомых лицах.

Русское делопроизводство дел политических. Основной параграф закона гласит: каждый обвиняемый в политическом преступлении подвергается судебному преследованию, и его вина должна быть доказана судебным порядком. Казалось бы, что никто в России не может быть осужден без суда. Между тем действительность на каждом шагу противоречит мертвой букве закона. У нас существует так называемый административный порядок, и политический преступник обыкновенно передается в руки административных властей, которым предоставлено широкое поле для всякого рода злоупотреблений и беззаконий. Следующий характерный факт ярко свидетельствует об отношениях, какие существуют между администрацией и судебными властями. Во время разгрома в Кремле, когда губернатор Клингенберг без милосердия сек стариков, женщин и детей, возмущенный этим прокурор запротестовал, что, как представитель закона, он не может смотреть на такое его попранье. Ему на это ответили: «Не можете смотреть, так отвернитесь».

Действительно, у нас всегда закон в случае надобности отводит глаза в сторону, предоставляя полную свободу действий самоуправству и несправедливости. Каждый гражданин государства Российского — человек в полном смысле слова бесправный, не смеющий протестовать против самых возмутительных злоупотреблений, так как это считается бунтом и всякая власть установлена от бога, ей надо беспрекословно повиноваться, критиковать же строго запрещено.

Нигде, быть может, не проявляется так ярко противоречие между теорией и практикой, как в параграфах Устава о наказаниях и его применении по отношению к политическим преступникам. Так, например, § 1035⁷ гласит, что в случае необходимости вскрыть чье-либо письмо или телеграмму жандармерия должна выхлопотать на то позволение министра внутренних дел, который дает свое согласие не иначе как после совещания с министром юстиции. Но в действительности никто и не дума-

ет соблюдать подобные формальности, а дело совершается весьма просто: письмо вскрывается без всякого на то позволения и даже для таких операций существует особое почтовое отделение — так называемый «черный кабинет».

По закону политические дела разбираются: 1) судебными палатами и 2) верховным уголовным судом, созываемым государем в экстренных случаях. Но это опять пустые фразы; в действительности же судебные палаты никогда не разбирают подобных дел; прокурор вместе с жандармерией составляет обвинительный акт, ставит приговор и посыпает его на утверждение в Петербург в какую-то тайную инстанцию, о которой в кодексах не упоминается.

Главная разница между судопроизводством у нас и в цивилизованных странах заключается в том, что за границей прокурор, составив обвинительный акт, передает его суду, а тот призывает обвиняемого, слушает его защиту и только тогда ставит резолюцию; в России все это считается излишним; даже в чрезвычайных случаях, когда созывается верховный суд и подсудимому дозволено защищаться, это ничуть не влияет на его судьбу, так как она решена уже заранее. После допросов показания подсудимого посыпаются министру юстиции, он же вместе с министром внутренних дел разрешает продолжить следствие или ходатайствует о высочайшем повелении оставить дело без дальнейших последствий или, наконец, передать его в руки административной власти (§ 1035¹¹)

В конце концов вся процедура сводится к широкому применению принципов самоуправства и направлена на то, чтобы политические процессы не предавались гласности.

Порука. В случае если арестованный не запутался в показаниях и не дал против себя никаких улик (чего можно избежать, отрицая всякую виновность), тогда после окончания допросов его отпускают на свободу или на поруки. Для этого нужно разрешение прокурора, жандармерии, в исключительных случаях — министра полиции. Размер залога зависит от степени виновности и состоятельности подсудимого и его семьи. Отпущенный на свободу подсудимый остается под надзором полиции до тех пор, пока из Петербурга не придет решение; это может тянуться год, два, даже несколько лет. В Петербурге существует особое отделение, занимающееся разбирательством политических дел, но неизвестно, какое участие оно принимает при составлении резолюции. Вообще все делопроизводство нелегальных дел окружено полной таинственностью — о нем не упоминается в государственных законах и уложениях.

Размер административных кар зависит главным образом от жандармов и прокурора; они обыкновенно стараются подвести преступление под § 249 Устава о наказаниях, налагающий самую тяжелую кару; сначала они пробуют доказать участие арестованного в заговоре, имеющем целью разрушение государства. Если это не удается, тогда они подводят под § 318, где говорится об организациях, цель которых — пропагандировать неповинование и противодействие властям, подрывание основ общественной жизни, семьи, религии, собственности, возбуждение классовой ненависти и призыв к стачкам.

Обвинительный акт вместе с обозначением наказания (как мы уже говорили) отсылается в Петербург, откуда приходит приговор к заключению или ссылке.

Корпус жандармов и организация шпионов. Жандармерия и шпионы — вот два могучих орудия в руках правительства в борьбе с идеей и ее представителями, это заклятые враги всякого благородного стремления, это наши свирепые палачи. Постараемся ознакомиться с ними поближе.

Институт жандармов был установлен в России в царствование Николая I, ранее обязанности жандармов выполняли фельдъегери. Жандармы делятся на два дивизиона: охранительный и наблюдательный, к последнему принадлежат и железнодорожные жандармы. Охранительный дивизион заведует делами политического свойства, наблюдательный выступает в роли полиции в торжественных случаях. Жандармерия находится под управлением жандармского окружного управления; кроме того, существуют губернские и уездные управления; каждое управление пользуется услугами отряда жандармов под начальством жандармского офицера.

Жандармы набираются из действующей армии, а так как жалованье их гораздо больше того, что получают простые военные, то кандидатов всегда достаточно; однако должность получить довольно трудно. От офицера, почувствовавшего призвание к жандармской службе, требуется следующее: письменное изложение своих политических и общественных убеждений, выяснение причин, побудивших сделаться жандармом; он, его жена и дети должны быть православными; наконец, надо выдержать практический экзамен и проявить необходимую ловкость и способность шпиона. Практический экзамен производится таким образом. «Играете ли вы в карты?» — спрашивает экзаменатор. «Да, играю», — следует ответ «Так расскажите мне все, что знаете насчет бубнового туза». — «Он красный на белом поле, на обороте имеет такой-то крап и т. п.» — «А что еще вы можете о нем сказать?» Офицер утверждает, что сказал решительно все. «Очень жаль, — говорит «профессор». — Вы не годитесь в жандармы: вы не заметили, что на обороте написано: «Карточный сбор идет в пользу благотворительных учреждений», жандарм не мог бы этого не заметить»

Трудно предположить, что жандармский офицер не сознает своей позорной роли в обществе; он хорошо чувствует, что его будет окружать всеобщее презрение, и потому в жандармы поступают почти исключительно люди бесчестные, безнравственные, настоящие подонки общества. Презрение к жандармам так велико, что даже армейские офицеры не допускают их в свое общество и возвращение в армию для них невозможно. Рядовые жандармы набираются из рядовых армии по добровольному соглашению; требуется для них некоторая сметливость и грамотность, а также желательна наличие какого-либо имущества. Обыкновенно офицеры получают извещение, что требуется такое-то число жандармов; они предлагают своим солдатам перемену службы, и желающих всегда много: их прельщает 10-рублевое месячное жалованье и полное содержание; кроме того, солдат не имеет никакого понятия о позорных свойствах предстоящей ему службы. Его отдают сначала в жандармское училище; лучшие ученики определяются впоследствии в охранительный дивизион, менее способные — в наблюдательный.

В сношениях с людьми жандармы ведут себя по-разному, согласно своим интересам; они боятся слишком раздражать общественное мнение (помните, может быть, судьбу Стрельникова, Судейкина, Селиверстова), и потому по отношению к политическим преступникам, на которых главным образом обращено общественное внимание, они чрезвычайно вежливы и предупредительны, зато по отношению к лицам маловлиятельным, за которых некому заступиться, они возмутительно грубы.

Ни один из государственных институтов не пользуется такими широкими полномочиями и не выполняет таких разнообразных функций, как жандармерия, перед ней пресмыкаются все власти и учреждения, в случае нужды она даже вправе арестовать начальника края. И все это могущество — следствие ее политической деятельности. Вначале полиция была ее грозным соперником, еще в 70-х годах она совершила много

политических арестов, теперь же все это в руках жандармерии, и она — полновластный орган политического гнета.

Обязанности жандармов состоят в следующем: 1) открывать и выслеживать (лично и с помощью шпионов) политических преступников; 2) производить обыски и аресты. По закону, при обыске жандарм должен иметь и по требованию предъявлять письменное разрешение прокурора, хотя очень часто, с присущим им нахальством, они этим пренебрегают. В обыске участвуют несколько жандармов и городовых, шпион, околоточный надзиратель, жандармский офицер, а если случай посерьезнее, то и прокурор или его товарищ. Этот последний всегда является в тех случаях, когда решено арестовать, какими бы ни были результаты обыска. Все это общество врывается в дом, призывая в свидетели хозяина, управляющего домом, дворника или кого-нибудь из квартиронтов, потом стучатся к жертве. На вопрос: «Кто там?» — отвечают обыкновенно: «Телеграмма»; иногда, не говоря ни слова, ломают дверь, желая поймать врасплох.

Войдя в квартиру, жандармский офицер пытается смутить обыскиваемого бесчисленными вопросами, остальные его товарищи бросаются осматривать постель, одежду, мебель, роются в комодах, шкафах и сундуках, заглядывают в печь и под образа и повсюду, где только можно было что-либо спрятать. Если причина обыска очень важная, тогда обыскивают погреба и чердаки, срывают обои и полы. Если что-нибудь конфискуется, это должно быть занесено в протокол, причем заметим, что нелегальные брошюры и книги, найденные в одном экземпляре, не служат доказательством виновности, особенно если они научного, социологического или исторического содержания; другое дело, если книги в нескольких экземплярах, ибо это доказывает, что они распространяются.

Свершив все дело, жандармы арестовывают подозреваемого; иногда они остаются в квартире, чтобы задержать всех приходящих, поэтому нужно немедленно уведомить об аресте всех знакомых арестованного.

Правой рукой жандармерии служит организация шпионов. Это организация тайная, но многие факты дают нам о ней ясное понятие.

Как известно, шпионы делятся на постоянно исполняющих должность и на временных добровольцев; прочие полицейские сыщики составляют особую категорию, не принадлежащую к организации политических шпионов. Известно также, что в организации существуют старшие, или обер-шпионы, и их подчиненные нижние чины; кроме того, каждый жандармский офицер и каждое направление имеют под собой отряд шпионов. Одни из шпионов не имеют никаких определенных занятий, а только шляются по улицам и конкам; другие под видом рабочих, студентов, чиновников и т. п. стараются проникать повсюду, где только подозревается нелегальная деятельность, третий постоянно путешествуют по железным дорогам. Уличные шпионы, переодетые нищими, франтами, старьевщиками или мастеровыми, разгуливают по городу, торчат целыми часами по углам, у ворот домов, где живут лица, за которыми шпион следит.

Шпион обязан, вероятно, сообщать начальству результаты своих наблюдений; они могут носить следующий характер: данное лицо уходит из дома и возвращается в такое-то время, его посещают такие-то лица, или, например: по улице прошла куча людей, в их числе находилось лицо, за которым шпион следит. На основании всех этих сведений жандарм может сделать обыск и обвинить арестованного. Кроме того, шпионы должны стремиться к возможно более обстоятельному ознакомлению с лицами и делами нелегального характера, подробности они узнают благодаря личным наблюдениям, а также через прислугу и дворников.

Упомянем теперь еще об одной особенно опасной разновидности шпиона — это так называемый шпион-provокатор. Притворяясь социали-

стом, провокатор сам образует тайный кружок или проникает в уже существующую организацию и при удобном случае передает ее в руки жандармам; в этом и состоит вся его деятельность. Провокатором очень часто бывает человек интеллигентный, начитанный, проявляющий необыкновенное рвение и преданность делу; поэтому трудно разоблачить его и, следовательно, необходимо помнить все правила конспирации, не доверять людям малоизвестным и стараться узнать характер человека и причины, побудившие его примкнуть к революционному движению. Если такой причиной являются некоторые научные убеждения, поддерживаемые нравственными качествами человека, если этот человек не только на словах, но и в домашней, обыденной жизни проявляет способность к самопожертвованию,— он искренне предан делу и сумеет постоять за свои идеалы; это деятель в самом благородном и полном смысле слова

ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 7-е д-во,
1888 г., д. 120, т. 2 л. 82—97